

Александр Бестужев-Марлинский

Замок Нейгаузен

Александр Бестужев-Марлинский
Замок Нейгаузен

«Public Domain»

1824

Бестужев-Марлинский А. А.

Замок Нейгаузен / А. А. Бестужев-Марлинский — «Public Domain», 1824

«Эпохою своей повести избрал я 1334 год, заметный в летописях Ливонии взятием Риги герм. Эбергардом фон Монгеймом у епископа Иоанна II; он привел ее в совершенное подданство, взял с жителей дань и письмо покорности (Sonebref), разломал стену и через нее въехал в город. Весьма естественно, что беспрестанные раздоры рыцарей с епископами и неудачи сих последних должны были произвести в партии рижской желание обессилить врагов потаенными средствами...»

Содержание

I	6
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

**Александр Александрович
Бестужев-Марлинский
Замок Нейгаузен¹
*Рыцарская повесть***

(Эпохою своей повести избрал я 1334 год, заметный в летописях Ливонии взятием Риги герм. Эбергардом фон Монгеймом у епископа Иоанна II²; он привел ее в совершенное подданство, взял с жителей дань и письмо покорности (Sonebref), разломал стену и через нее въехал в город. Весьма естественно, что беспрестанные раздоры рыцарей с епископами и неудачи сих последних должны были произвести в партии рижской желание обессилить врагов потаенными средствами. – Примеч. Автора)

---

² ...взятием Риги герм. Эбергардом фон Монгеймом у епископа Иоанна II... – Эбергард фон Монгейм – ливонский магистр с 1327 г. Дата взятия Риги у Бестужева неверная: Рига была взята в 1330 г., а не в 1334 г. Кроме того, архиепископом в Риге в это время был Фридрих Лобенштет (с 1304 по 1340 г.), а не Иоанн II, умерший в 1295 г.

I

Посвящена Д. В. Давыдову³

Летний день западал, и прощальные лучи солнца бросали уже волнистые тени на круглые стены замка Нейгаузена⁴. Туман подернул поверхность речки, обтекающей кругом холма, на котором воздымаются твердыни, и она, гремя, бежала вдаль сереброчешуйною змейкою. Ворота замка были отворены, и сквозь них, среди широкого двора, виделись терема рыцарские. Остроконечные их кровли пестрели разноцветною черепицею; все углы обозначались стрелками, и на многих висели башенки. Неровной величины окна, с чудными изображениями, были разбросаны в стенах без всякого порядка, и контра-форсы, упираясь широкою пятою в землю, поддерживали громаду здания. Казалось, оно не было древним; но молодой мох лепился уже по стенам, из неровного плитняка сложенным, и местами зеленил мрачную их наружность. Двухъярусные переходы вокруг бойниц амфитеатром замыкали окружность, и на них грудами лежали камни, бревна, станки для огромных самострелов, тяжелые топоры, даже стенные пищали⁵, тогда весьма редкие и столь же опасные своим, как врагам; словом, все доказывало близость опасного соседа и возможность внезапной осады. Часовые в шишаках, однако ж без лат, бродили по гребню, и в замке было так тихо, что слышалось пенье кузнечика. Направо от ворот щипал мураву статный конь; влево тянулись полосатые гряды огорода. Между ими, опершись на заступ, стоял садовник Конрад и с высоты любовался на закат солнца. Он не заметил, когда подошел к нему рыцарь в бархатной, сереброшвейной мантии и в весьма коротком полукафтанье малинового цвета. Лицо его было нахмурено, и руки, сложенные на груди, закрывали до половины осьмиконечный мальтийский крест⁶. Тщательно завитые волосы и вообще щеголеватость в одежде показывали, что он чужеземец, ибо тогда ливонские рыцари не пышно рядились.

– Пусть крапива забьет твои гряды! – сказал он мимоходом Конраду, и Конрад, почтительно бросив свою шапку на землю, отвечал:

– Благодарю за желание, благородный рыцарь; но у меня и без того плохо идет работа. Здешнее солнце светит только по праздникам, а эти башни и совсем не пускают его заглянуть в огород...

– Старый дурак! Когда строят корабль, думают ли о приволье мышам?

– Преумно и премилостиво, благородный рыцарь. Но вы, кажется, рассержены; смею ли я, старый слуга ваш, спросить о причине?

– Бесстрастное творенье! разве не понимаешь ты, что нежданный возврат барона разрушает все мои надежды: теперь Эмма станет еще неприступнее. Впрочем, я на все решился, Конрад! Меняй свой заступ опять на кинжал, поедем лучше галерою бороздить море. Право, доходнее резать турецкие головы, чем сажать турецкие огурцы.

– Я всегда в вашей воле, рыцарь!

– Если б ты к моей воле прилагал и свою, – эта честолюбивая женщина не ускользнула бы из рук моих!

---

³ Давыдов Д. В. (1784—1839) – поэт, герой партизанского движения во время Отечественной войны 1812 г.

⁴ Нейгаузен – пограничный замок ливонских рыцарей, построенный в начале 40-х гг. XIV в. (у Марлинского неверно – 1277 г.) и служивший опорным пунктом рыцарей при набегах на псковские и новгородские земли (современное название – Вастселийна).

⁵ ...стенные пищали... – длинное тяжелое ружье, заряжающееся со ствола.

⁶ ...осьмиконечный мальтийский крест... – орденский знак мальтийских рыцарей, возникший в XI в.

– Пусть каждый шиллинг, от вас полученный, прожжет мой карман, если я даром брал награды. Всякий раз, когда госпожа приходила сюда учиться заморскому садоводству, я изда-лека заводил речь о вашей славе, о вашем богатстве, потом о вашей красоте... Потом наме-кал о вашей любви, о вашей страсти, рыцарь! Вы сами знаете, что есть вещи, о которых мол-чать невыгодно, а самому их высказать нельзя... и эти-то вещи были все рассказаны мною, – похвалы сыпались у меня, как чечевица.

– И просыпались мимо. Нет, ты не умел, Конрад, посеять в ее сердце ко мне соучастия и взаимности.

– Благородный рыцарь! любовь растет скоро, как кресс-салат, но она все-таки не огород-ный овощ. Ее зародить в баронессе было ваше, а не мое дело. Впрочем – терпение!

– Терпение – добродетель верблюдов, а не людей.

– Может быть, не таких, как вы, благородный рыцарь; но вы сами видите, как наш русский пленник Всеслав своею терпеливостью отбивает у поспешных прекрасную Эмму. Ну, право, на него глядя, можно подумать, что он вырос в школе странствующих миннезингеров⁷: только и дела, что вздыхает, – а между тем баронесса поглядывает на него очень умильно.

– Проклятый утешитель! Ты раздираешь мне сердце намеками, которые давно мне кажутся истиною. Любовь палит меня, но еще более ревность грызет душу. Так, я уже решился на все. Я хочу, я жажду удалить и мужа и этого воздыхателя-новгородца, чтобы самому сблизиться с нею. Ты знаешь, Конрад, что я говорю не с ветра и не на ветер; теперь требую твоего совета.

– Мое мнение, рыцарь, начать с гостя; то есть намекнуть барону о склонности его супруги к Всеславу – и русский соперник ваш уберется восвояси.

– Ты прав, Конрад; ты стоишь золотой петли за эту богатую выдумку. Так, я неприметно волюю в его чувства отраву, которая льется в моих жилах; передам ему все затейливые подо-зрения ревности и с ним разделю ненависть к общему сопернику, а потом найдем средство удалить и ненавистного супруга. О! Я уже предвкушаю торжество мое: мои арабские бегуны умчат пас за тридевять земель. Для Эммы сброшу я эту командорскую мантию, забуду почести Ордена и славу света, чтобы в забытом углу его найти с нею счастье!..

– Скорее ваш меч разрастется в ножнах, нежели Эмма согласится бежать...

– Но скорее рука моя будет вращать веретено вместо копья, чем я откажусь от своего намерения. Для моей воли нет завета, ни препон – кроме гибели. Пусть Эмма добродетельна, верна, – но ведь она женщина; она прекрасна и, следовательно, тщеславна. Одним словом, Конрад, я истощу весь арсенал обольщений: буду нежен как дамская перчатка, гибок как стра-усовое перо; стану звенеть золотом и железом, пролью слезы и кровь, и волею или неволею, но Эмма будет в моих объятиях – или Ромуальд фон Мей в когтях демона. Что же до самого барона...

Конрад прервал его запальчивость, показав на часового, который приближался к ним по зубчатой, стене. Рыцарь понизил голос, но по его движениям, по его сверкающим взорам видно было, что дело шло о чем-то важном. Конрад сомнительно покачал головою, и два злодея расстались.

---

⁷ Миннезингеры – средневековые поэты Германии, воспевавшие рыцарскую любовь.

II

Круглая зала Нейгаузена освещена была двумя большими свечами из желтого воска, воткнутыми в двурогий железный светец. Пламя их веяло по воле ветра, проникающего в неровный свинцовый переплет готических окон, но блеск не достигал под вершину остроко-
нечных сводов, зачерненных дыханием времени, и только изредка отсвечивались по стенам щиты и кирасы и двойная тень мелькала от оленьих рогов, между ими прибитых. Две тяжелые печи, испещренные муравлеными украшениями⁸, стояли друг против друга. Дебелый дубовый стол занимал средину комнаты. За ним сидел рыцарь Ромуальд фон Мей и беспечно стучал пашкою по доске... Игра была не кончена, стаканы опрокинуты, и владетель замка Эвальд фон Нордек ходил быстрыми шагами по зале. По неровному звуку его шпор, по волнению в груди заметно было, что он вне себя; его лицо пылало гневом, и кровавые глаза разбежались.

– Да, да, – вскричал он, остановившись против Мея, – теперь вижу, что был до сих пор слепцом, был игрушкою жены своей. И я был так прост, что доверился этому русскому варвару, оставил волка в овчарне. Теперь не дивлюсь, что жена моя... что Эмма, хотел я сказать, так нежно ухаживала за его ранами, так жаловала его песни и разговоры. Теперь понятно мне, отчего шепчут рыцари, когда я вхожу в их общество, отчего дамы так часто спрашивают об ее здоровье. Лицемерная, неблагодарная женщина! Не я ли презрел для нее все обычаи предков и все толки дворян – извел ее из пыли ничтожества и из безродной сироты сделал владительницей Нейгаузена; но что более всего: не я ли любил ее так нежно, так пламенно! О, какое яркое пятно положила ты на славное имя Нордеков! Что сказал бы теперь дед мой, гермейстер Ордена, если бы такие обиды могли воскрешать мертвых, как они умерщвляют живых!

– Думаю, – сказал Мей двусмысленным голосом и пожимая плечами, – он сказал бы то же самое, что и я повторяю: что люди завистливы и, статья может, слухи об этой связи – пустые.

– Нет, друг Ромуальд, не утешай меня, как ребенка; я знаю, что подобные вести позже всех доходят до ушей мужа, и, верно, уже они имеют вес, когда ты, чужеземец, их знаешь...

Ромуальд встал, чтобы скрыть волнение души, и как будто нечаянно подошел к окну.

– Они еще не едут с охоты, – сказал он притворно равнодушным голосом.

– Не едут – и, поверь мне, еще долго не будут, – отвечал Эвальд нетвердым тоном зрительного бесстрастия. – Они не ждут меня из похода, а часы летят для них так скоро, что они и не думают о возврате... Или, – что я говорю, – может, они нарочно ждут вечера... Лес широк, тропинки излучисты... Мудрено ли заблудиться!

– Какие черные мысли, Эвальд; разве не могло, в самом деле, случиться, что их соколы разлетелись.

– Я скличу их завтра на тело Всеслава! – Едут, едут! – раздалось по замку.

Топот коней и восклицания охотников огласили округность; оконницы, дребезжа, отозвались на звук востового рога с башни, и сердце барона оледенело... Он бросился в широкие кресла и закрыл глаза рукою. Кто-то бежал по лестнице, дверь скрипнула, Эвальд вскочил; яростным взором встретил он входящего, – и напрасно: это был паж баронессы.

– Скажи госпоже твоей, – крикнул он, – чтобы она дожидалась меня в своих покоях, но чтобы она не входила сюда... Это моя воля, мое приказание; слышишь ли: мое приказание!

Изумленный паж удалился с трепетом, – и опять мертвая тишина в зале. Ромуальд молчал; Нордек не мог говорить. Наконец с шумом вбежал Всеслав в комнату. На нем был красный кафтан, на полах вышитый золотом. За кушаком татарский кинжал, на руке шелковая плетка, и красные каблуки его сапогов пестрели разноцветною строчкою; яхонтовая запонка и жемчужная пронизь на косом воротнике доказывали, что Всеслав не простого происхождения;

---

⁸ Муравленые (муравчатые) украшения – украшения, покрытые глазурью.

но смелая, развязная поступи, открытое лицо и быстрые взоры еще более заверяли в его благородстве. С радостным челом, с дружеским приветом кинулся он обнять Эвальда, но Эвальд яростно оттолкнул его.

– Прочь, изменник! – воскликнул он. – Прочь! Не пятнай меня своим иудиним лобзанием...

– Что это значит, Эвальд? – произнес Всеслав, пораженный видом и выраженьем барона.

– Ты слишком хорошо знаешь, об чем говорю я; но притворство ни к чему не послужит...

Признайся!

– Ты потерял рассудок, Эвальд!

– О, как бы желал я потерять его, но к несчастью, он теперь яснее, нежели когда-нибудь. Я теперь вижу, чем ты заплатил за мое гостеприимство, как ты отвечал на мою доверенность. Я с тобой, со врагом, поступил как с братом, а ты оболъститель, ты с другом поступил будто со злейшим неприятелем.

Лицо Всеслава загорелось негодованием.

– Эвальд! – вскричал он, – не для того ли ты возвратил мне жизнь, чтоб отнять честь? не для того ль почтил пленника гостеприимством, чтобы сильнее оскорбить гостя клеветою?

– Это правда, это ужасная правда! И... не заставь меня употребить силу... Если ты в ней не сознаешься, то, богом клянусь, Всеслав, тем богом, которого ты забыл, – волки и вороны будут праздновать мой гнев твоим трупом.

Всеслав, внимая этим угрозам, гордо сел в кресла и спокойным голосом отвечал:

– Рыцарь фон Нордек, я пленник твой; делай что хочешь. Но ты видел под Вейзенштейном, когда рубился я с твоими латниками, пугала ли меня смерть! Ужели думаешь теперь застрашать ею? Поверь, Эвальд, мне легче будет умирать безвинному, чем тебе жить после злодейства. Впервые вижу я такое утончение злобы: зачем было не умертвить меня на поле битвы, чтобы здесь выхолить на убой!

– Затем, что ты был тогда лишь неприятелем Ордена, а теперь стал моим личным врагом, моим кровным злодеем, похитив любовь легковерной Эммы!

– Рыцарь! Именем чести и доброй славы невинной супруги твоей требую доказательств!

– Невинной?.. Давно ли волки проповедуют невинность лисиц? Давно ли русские говорят о чести?

– Русские всегда ее чувствуют. Вы, германцы, ее пишете на гербах, а мы храним в сердце.

– В твоём черном сердце – не бывало искры других чувств, кроме неблагодарности, обмана и оболъщения!

– Слушай, рыцарь, – вскричал Всеслав, вскакнув, – низко и в поле ругаться над безоружным, но еще ниже обижать в своём доме. Я бы умел тебе заплатить за обиду, если бы моя свобода и сабля были со мною!

– Ты будешь иметь их на свою пагубу, – отвечал в бешенстве Эвальд, – и суд божий поразит вероломца!

– Когда ж и где мы увидимся? – спросил Всеслав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.